

Дэвид Харви

КОММЕНТАРИЙ НА КОММЕНТАРИИ¹

Существует вечное искушение, особенно когда предоставляется такая возможность, ухватиться за дружескую критику и начать блуждание по лабиринтам марксистской теории. В данной статье я постараюсь избежать этого, однако одновременно не могу уйти от одного важного вопроса. В отличие от Бена Файна я действительно верю в то, что внимание к недоработанному Марксом понятию монопольной ренты может принести куда больше теоретической пользы, чем пустопорожнее обсуждение его теории абсолютной ренты. Такой взгляд вытекает из моего особого понимания теории стоимости и проблемы трансформации. Когда Файн называет мое использование понятия монопольной ренты Маркса «бесхребетным», он заходит слишком далеко. Эта идея развивалась мной в ряде лекций в институтах, а также на основных культурных мероприятиях (Ноэлю Кастри слышать это будет особенно приятно). Мной двигало стремление понять роль культурных производителей в мире, в котором индустрия культуры становится все более и более важной для городского развития (от Шеффилда до Шанхая). Я хотел показать тесную связь корпоративного капиталистического интереса в аутентичности, оригинальности и уникальности («проспонсированной...») с извлечением монопольной ренты из превращающихся в товар культурных форм, местных особенностей и творческих порывов. Производители культурных товаров тотчас ухватили идею и придали острый антикорпоративный оттенок дискуссии. Если бы я использовал понятие абсолютной ренты (даже теоретически верно), то сомневаюсь, понял бы меня хоть кто-нибудь. Однако в этом случае как теоретическая состоятельность, так и императив коммуникативности счастливым образом совпали. Мы обязаны чтить императивы не только теоретической строгости, но и коммуникативности.

Возьмем в качестве примера то, как я использую понятие «накопление через лишение собственности». Люди, ничего не знающие о марксистской теории, сразу же понимают, что я имею в виду. Чтобы заставить их меня слушать, остается только упомянуть пенсионные права, нелегитимное

¹ Перевод по изданию *Harvey D. Comment on Commentaries // Historical Materialism*. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 157–166.

использование суверенного права государства на принудительное отчуждение частной собственности, приватизацию воды, ограничение кредитов, лишение прав на здравоохранение. Если же я начинаю настаивать на том, что именно «примитивное накопление» – правильный термин, то дискуссия становится никому не интересной. Я действительно считаю теоретически разумным описывать то, что происходит на начальных стадиях капитализма, как «примитивное накопление» (есть все основания использовать данный термин для описания процессов в современном Китае). Однако те продолжающиеся каннибальские и хищнические практики, которые происходят повсеместно даже в развитых капиталистических странах под прикрытием приватизации, рыночных реформ, сокращения социальной сферы и неолиберализации, лучше всего могут быть описаны понятием «накопление через лишение собственности». Данные процессы как качественно, так и теоретически отличаются от того, что происходило на заре становления капитализма. Я не призываю забросить марксистское теоретизирование в угоду расхожим мнениям, однако если более простой язык дает больший политический эффект, почему бы им не воспользоваться? «Необходимо всегда помнить об аудитории», – справедливо советует Бен Файн перед тем, как заявить о том, что именно «примитивное накопление» – корректный термин.

Идея накопления через лишение собственности, действительно, требует, как уже всеми было замечено, критического рассмотрения. Термин был подхвачен почти незамедлительно (именно в силу того, что он что-то напоминал). Теперь я переживаю, как бы он не начал (а он уже начал!) использоваться не по делу. В прошлом у меня уже был неприятный опыт с понятием «пространственно-временного сжатия». Все мои предостережения были проигнорированы. В «Новом империализме»² я отнюдь не утверждал, что всякое лишение собственности является неправильным и что ему необходимо противодействовать. Все зависит от классового характера лишения собственности. Я ничего не имею против лишения собственности буржуазии! В той степени, в какой любое прогрессивное развитие подразумевает некую степень творческого разрушения, мы не должны потворствовать ностальгии по утраченному прошлому. Я признаю, что бесконечное число конфликтов и политических столкновений, направленных против накопления через лишение собственности, являются многомерными, несогласованными, а иногда вообще реакционными. Я целиком согласен, что требуется очень большая работа по прояснению того, какое употребление термина является наилучшим и для анализа какого рода процессов он лучше всего подходит. Здесь нет времени заниматься этим подробно (я надеюсь сделать это в иной работе). Некоторые из замечаний моих комментаторов (Сэма Эшмана и Алекса Каллиникоса) кажутся мне крайне полезными. Я надеюсь, что нам удастся продвинуть по пути прогресса не только анализ, но и политику.

2 См. Harvey 2003.

Комментарий Элен Мейксинс Вуд обеспокоил меня гораздо больше. Я не знал, что «формальное разделение» «политического» и «экономического» в капитализме является для нее столь значимым. Я воспринимал это «формальное» деление скорее как тактическое, чем как основополагающее. Из такой постановки вопроса вытекает слабая теория современного государства, которую я никак не могу принять. Государство — это что-то гораздо большее, чем простая территориальная институциональная поддержка требований капитала. Однако Вуд явно не разделяет такую позицию. Если в основе современного империализма лежит бесконечная война (реальная или возможная), то ее ведут или угрожают вести именно государства. Кроме того, формальное разделение сверхэкономической и экономической власти на практике также не работает. На каждом шагу мы окружены «общественно-частным партнерством» и невероятным взаимоналожением практик государства и капитала (институционально, политически и даже идеологически). Как, например, следует нам понимать власть Федерального Резерва, МВФ, ВТО и прочих менее заметных похожих на государство институтов, таких, например, как Банк международных расчетов? Если капиталу удалось освободить себя от территориальной логики до такой степени, что он может свободно действовать во всем пассивном мире национальных государств, то почему тогда политическая и военная мощь США оказываются столь важными (как утверждает сама Вуд)? В тезисе Вуд о бесконечной войне на первый план выходит политическая и военная гегемония США (т. е. территориальная логика).

Разделение, проводимое Вуд, между сверхэкономической и экономической властью приводит ее к серьезному недопониманию накопления через лишение собственности. Она понимает его как проявление «сверхэкономической власти». Однако, в моем понимании, оно осуществляется, главным образом, за счет кредитной системы и финансовых рычагов. Я мыслю это накопление скорее как экономическое, чем как сверхэкономическое. При этом снова повторяю, что единственный способ для меня увидеть хоть какой-то смысл в происходящем — поместить диалектическое разделение на территориальную и капиталистическую логики в центр своего анализа. Моя теория государства (нуждающаяся в доработке) не апеллирует к некой докапиталистической форме, но рассматривает радикальную трансформацию этой формы, которая происходила по мере того, как, начиная с XIX в. и далее, диалектическое взаимоотношение государственной и капиталистической логик выходило на первый план. Давайте, например, рассмотрим то, что произошло с Аргентиной во время кризиса 2001 г. Начались страхи по поводу того, что паритет песо к доллару обрушится по мере быстрого утекания иностранного портфельного капитала (капиталистическая логика в действии). Произошел массовый банковский отток долларов (бралось максимальное число долларов и увозилось, например, в Майами). Банковские счета оказались заморожены государственным постановлением (территориальная логика), вскоре после этого песо сократился до трети своей прежней цены. Банковские счета на территории Аргентины потеряли в пересче-

те на доллары 12 миллиардов. Те, кому удалось увезти свои доллары в Майами, теперь могли вернуть их назад в страну по тройной цене. Это было ограблением банка политическими элитами. Вот пример того, что я называю накоплением через лишение собственности. Невозможно «формально» определить, где заканчивается государственная власть и начинается капиталистическая логика, даже учитывая то, что государственные постановления и денежные потоки — идентифицируемые вычлняемые моменты протекающих процессов. Диалектическое разделение работает, а формальное разделение Вуд — нет.

Теперь я лучше понимаю то, почему Вуд в своем комментарии на «Новый империализм» никак не упоминает формирование (в противовес существованию) Европейского Союза, Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), Общего рынка стран Южного конуса (Mercosur), G7 (теперь G8) и той необыкновенной власти, которая оказалась в руках международных финансовых и регулирующих институтов в недавнее время. Ввиду того, что ни одна из этих структур не укладывается в образ пассивных национальных государств, пляшущих под дудку капитала (американского? или же под дудку американского политического и военного доминирования?), они попросту игнорируются при рассмотрении того, что делает современные имперские практики такими новыми. Я вполне могу понять и до определенной степени согласиться с возражениями Вуд против простоты формулировки Арендт о том, что накопление экономической власти нуждается в параллельном накоплении политической власти. Тем не менее, как мне казалось, формулировка Арендт представляет собой хорошую стартовую позицию для анализа возникающих институциональных и политических установлений, посредством которых все чаще проявляет себя политика мирового капитализма и, следовательно, современного империализма. Если какие-то государства и превратились в пассивные дополнения капитала, то это произошло не в последнюю очередь благодаря вмешательству МВФ. Разделяя тезис Вуд (в противовес позиции Хардта и Негри, а также Джона Холловэя) о том, что нам ни коим образом не следует прекращать борьбу за государственную власть, мне кажется, что борьба против МВФ (под лозунгом «Пятидесяти лет хватит!»), а также борьба на более локальном уровне являются не менее значимыми.

Здесь мы выходим на проблему географического масштаба. Мне кажется удивительным, что Бен Файн может смотреть на карты Балтимора разных лет и не видеть никакой разницы кроме масштаба (как будто масштаб ничего не значит!). Это мышление в духе утверждения о том, что демократия, выкованная для афинской Агоры, может быть применима к современным городам Сан-Паулу или Токио-Йокогама. Динамики капитализма сыграли решающую роль в переформатировании пространственно-временных отношений (да, это раздражающее понятие пространственно-временного сжатия, правильно понятое, может быть очень кстати), и мы напрасно игнорируем следствия этих трансформаций. Мне трудно понять странные утверждения Файна о том, что отдельное изучение пространства и времени бес-

смысленно, так как это универсальные онтологические категории, противостоящие категориям стоимостного анализа, уже преодолевшим данную стадию. Меня удивляет, как марксисты с их абстрактной преданностью диалектическому материализму могут препятствовать открытым дискуссиям о диалектике «пространства и времени». Вне всяких сомнений, Файн будет шокирован моей пространственно-временной интерпретацией марксистской теории стоимости в работе «Пространства глобального капитализма»³. Кроме того, он считает бессмысленным говорить о диалектике территориальной и капиталистической власти, так как первая является онтологической и универсальной, а вторая — исторической и специфической. Для меня же территориальная логика (включая становление самого государства) является настолько же общественной и исторической конструкцией, насколько таковой является капитал. Верно, что пространство и время обладают онтологическим первенством в той степени, в какой, например, пол и этническая принадлежность — не обладают, однако это не означает, что данные категории являются фиксированными. Взгляды на пространство и время с позиции относительности в противоположность ньютоновским и кантианским конструкциям описывают податливость пространственно-временной метрики различным процессам. В современном мире циркуляция и накопление капитала (в особенности в форме финансов) могут быть выделены как первичный процесс, вокруг которого вращается пространственно-временная метрика и скалярность.

На мой взгляд, невозможно осмыслять совокупность таких понятий, как глобализация, неолиберализм и империализм, без рассмотрения радикальных изменений пространственно-временной динамики, вызванных процессами накопления капитала последних тридцати лет или около того. Двойное капиталистическое требование сократить время товарооборота и уменьшить или уничтожить пространственные барьеры для движения товаров было выполнено за счет технологических рывков (начиная от компьютеризованного дизайна и производственных сетей до Интернета) и институциональных трансформаций. Одно из следствий — изменение пространственного контекста реализации территориальной власти. Вопреки тому, что говорит Вуд, территориальная власть более не ограничивается той территорией, на которой она базируется. Когда в США меняются правила воздушного сообщения, каждая авиакомпания, которая выполняет рейсы в США, вынуждена подчиняться этим правилам. Де-факто правила воздушного сообщения США — глобальный регулятор всей авиационной индустрии (за исключением локальных перелетов на Кавказе, где еще разрешается курить). Единственная страна, которая не нуждается в Интернет-адресе, — США.

Здесь начинается дискуссия о признаках доминирования. Одним из таких признаков является Интернет, а также недавнее требование США о том, чтобы все авиакомпании, перевозящие пассажиров в Америку, собирали и передавали персональную информацию обо всех пассажирах (включая

3 См. Harvey 2006.

даже сведения о здоровье). Это требование было отклонено Европейским судом как незаконное, что создает техническую возможность запрещения в скором будущем всех трансатлантических перелетов (только подумайте, как это повлияет на капиталистическую логику власти!!). Соответственно, все большую актуальность сегодня приобретает вопрос о локализации власти. Хардт и Негри в чем-то правы, указывая на децентрализацию, ретерриториализацию и реконфигурацию того, как сегодня осуществляется функционирование политической и территориальной логики власти. Однако здесь мы больше нуждаемся в изучении реальных процессов (как циркуляция и накопление капитала переформатируют пространство и время, а также ретерриториализуют власть), чем в метафорических преувеличениях (типа тех, которые действительно можно найти у Арендт).

В основе всех этих рассуждений лежит простая теория, которую мне придется повторить еще раз. Основная проблема (или противоречие, если хотите) капитализма заключается в тенденции к перенакоплению (я не являюсь сторонником ни теории недопотребления, ни эффекта постепенного снижения нормы прибыли, как это утверждает Бен Файн). Капитализм всегда связан с производством и присвоением прибавочной стоимости (цель введения категории «накопление через лишение собственности» в том, чтобы подчеркнуть, что присвоение иногда пытается обойтись без производства). Капиталисты вынуждены искать пути выгодного поглощения тех излишков, которые они производят, однако сделать это можно лишь за счет производства еще больших излишков. В этом деле существенную роль играет географическая экспансия и реструктурирование. Именно с этим связан недавний приступ глобализации и вся история капиталистического империализма. Сатклиф полностью искажает мою теорию, приписывая мне тезис о том, что Китай просто поглощает перенакопленный капитал. Суть моей теории в том, что если излишний капитал в отчаянном поиске прибыльных рынков сбыта перемещается из пункта А в пункт Б, тогда на определенном этапе сам пункт Б становится производителем излишнего капитала. Китай является одновременно и тем, кто производит добавочный капитал, и тем, кто его поглощает. Именно эту тенденцию я зафиксировал в случаях Южной Кореи и Тайваня. Обе эти территории до 1980-х гг. поглощали излишний капитал, а затем от экспорта товаров перешли к экспорту капитала, породив свой особый мини-империализм (под покровом империализма свободной торговли США). Именно эти процессы сегодня происходят с Китаем.

Я согласен с Бобом Сатклифом, вопрос Китая, действительно, заслуживает гораздо более тщательного рассмотрения, позднее я попытался это сделать в «Краткой истории неолиберализма»⁴. Я согласен, нет никакой ясности по поводу того, как там будут развиваться события. Все происходит столь быстро, что любые высказывания тут же устаревают. Сегодняшнее непостоянство (не только в Китае, но и во всем глобальном капитализ-

4 См. Harvey 2005.

ме) — совершенно особая проблема, особенно учитывая возможность того, что это непостоянство может оказаться прикрытием чего-то иного.

Обширные и осмысленные комментарии Боба Бреннера появились слишком поздно, поэтому я ограничусь лишь несколькими ремарками. Я согласен, что одержимость США нефтью мало соотносится с прибыльностью американских корпораций или с общим состоянием экономики США (хотя Руперт Мэрдок приписывает последнему фактору особую важность). В случае открытой войны у США не будет никаких проблем с перекрытием иностранных поставок в Китай. Однако между этими двумя крайностями есть продолжающаяся геополитическая борьба, которая простирается от Казахстана до Судана, Нигерии, Анголы и, что более важно, до Ирана и Венесуэлы. Эта борьба за контроль над нефтью идет в первую очередь между Китаем и США, но не только между ними. Эта борьба не может быть проигнорирована (посмотрите на ООН и политику в Дарфуре). К сожалению, среди комментаторов прослеживается следующая тенденция: или утверждение, что нефть — это все, или утверждение, что нефть — ничего не значит. Обе позиции опасно неправильны. Именно в этом широком контексте на фоне устойчивой заинтересованности (начиная с 1945 г.) всех администраций США в военном присутствии на Ближнем Востоке нам следует рассматривать авантюру в Ираке.

Основное внимание Бреннер уделяет взаимоотношениям территориальной и капиталистической логик власти. При этом боюсь, что он, подобно Вуд, дает неправильную позитивистскую интерпретацию моей диалектической формулировки. Например, я никогда не утверждал, что современное государство может обладать интересами «явно отличными (не говоря уже о противоположных) от интересов капитала». В рамках используемой мною теории внутренней взаимосвязи подобная логическая независимость просто невозможна. Интересы государства и капитала переплетаются, на некоторых этапах это приводит к конфликтам. Капиталистическая логика, выраженная главами корпораций в военное время, гласила, что мир после Второй мировой войны должен стать максимально открытым для капитала, однако вплоть до конца холодной войны в геополитической стратегии США незыблемо господствовала идея сдерживания. Данная идея, будучи принятой государством, имела свои следствия, к которым накопление капитала вынуждено было адаптироваться (многие американские корпорации долго возмущались по поводу политических запретов на торговлю со странами Коммунистического блока). Вьетнам лучше всего может быть понят через наложение капиталистических пожеланий на объективную реальную внешнюю политику, проводимую политическим истеблишментом. Еще одно подтверждение моего тезиса касается существующей в любой государственной политической формации диалектики внутреннего и внешнего. Политикам в отличие от руководителей корпораций приходится переизбираться, этот факт не только накладывает ограничения на действия первых (посмотрите, как они извиваются вокруг проблемы иммигрантов как в США, так и в Европе), но и вынуждает их поддерживать другие страны: напри-

мер, вторжение в Ирак в силу националистических соображений и страхов за безопасность.

При этом я абсолютно не согласен с утверждением Бреннера о том, что изучение капитала не может объяснить существующую ныне форму государств и что «абстрактно говоря, единое государство, управляющее глобальным капиталом, — совершенно реальная и, возможно, наиболее подходящая форма с позиции капитала». Одна из целей, преследуемых мной во второй части «Нового империализма», заключалась в объяснении того, как капитал порождает территориальные/региональные конфигурации, способствующие появлению структур конкурентного управления. Я утверждал, что даже если бы государств не существовало, капиталу следовало бы их выдумать. Вне всяких сомнений, нынешняя модель взаимоотношений государств несет на себе многие отметины феодальных пережитков (особенно в Европе), однако фрагментация политической власти и конкуренция между этими фрагментами — именно то, что держит капитал в тонусе по отношению к государственной власти. Детерриториализацию и ретерриториализацию политических структур, которые произошли за последние несколько десятилетий, также следует рассматривать в их зависимости от изменяющихся масштабов капиталистического накопления.

Бреннер не прав, когда приписывает мне приверженность теории «погоны за прибылью» как объяснительного механизма кризиса (Бен Файн, наоборот, считает меня сторонником тезиса о недопотреблении или теории о снижении показателей прибыльности). В реальности я — сторонник теории излишнего капитала/перенакопления. При этом есть обстоятельство, когда императив погони за прибылью начинает играть не последнюю роль. Конечно, можно спорить (однако, естественно, не в рамках данной статьи), обстоит ли дело именно так в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (особенно в Европе), но меня относительно этого периода больше всего интересуют политическая угроза правящему классу в Европе (подъем еврокоммунизма, революция в Португалии), социалистические революции в Африке, проблемы в Латинской Америке (Альенде) и даже в США (вспомните все антикорпорационные постановления начала 1970-х гг., вызвавшие к жизни Организацию по защите окружающей среды (ЕРА), права потребителей и т. д.). Политическое будущее капиталистического класса (равно как и показатели прибыльности) оказалось под угрозой, в силу фиксировавшейся в то время хронической стагфляции. Капиталистическим классам необходимо было предпринять какие-то меры, чтобы справиться с ситуацией. Именно в таком контексте, как мне кажется, нам следует понимать поворот к неолиберализму и новому империализму. Неолиберализм я уже детально рассматривал.

Во всех этих процессах решающую роль играет накопление через лишение собственности. Может быть, Бреннер прав, утверждая, что я несколько раздул данное понятие. По поводу докапиталистических форм (например, эхидос в Мексике) у нас с ним нет разногласий. Лишение собственности семейных хозяйств в США, наверное, может быть лучше понято в терминах

нормального перетекания власти и богатства, которое происходит посредством концентрации и централизации капитала. Однако, когда разговор заходит об использовании суверенного права государства на принудительное отчуждение частной собственности в целях изъятия домов в выгодных местах во благо застройщиков и сетевых магазинов, — у меня нет никакой уверенности. Я думаю, что Бреннер недооценивает важность хищнических и каннибальских форм накопления, происходящих в самом сердце капитализма, и их связь с динамикой классовой борьбы. Те общественные сектора (уголь, сталь, автомобили, газ, электричество, телекоммуникации, вода) в Великобритании, которые были созданы годами классовой борьбы, были быстро уничтожены Тэтчер и переданы в частный сектор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тэтчер готовилась открыть путь для японского капитала (за счет капитала Великобритании) в автомобильную промышленность именно для того, чтобы запустить рост автомобильной промышленности с чистого листа. В этом должны были участвовать рабочие, которым бы пришлось признать совершенно иные условия индустриальных отношений. Это была намеренная проводимая государством политика, в которой накопление через лишение собственности использовалось самым непосредственным образом. Мне не кажется, что данный политический проект может быть осмыслен, как предлагает Бреннер, в понятиях «нормальных» процессов накопления капитала. Конечно, случай утраты пенсионных прав (например, в аэровоздушной промышленности США) вполне может быть рассмотрен как часть обычной классовой атаки на условия жизни рабочих, но при этом он ставит новые аналитические проблемы, не рассматривавшиеся в рамках классических теорий классовой борьбы. Кроме того, нельзя отрицать факт использования США своей власти и влияния для того, что продвигать по всему миру приватизацию, являющуюся частью их империалистической стратегии. Бреннер не прав, утверждая, что приватизация государственных сфер промышленности по всему миру лучше всего может быть понята в свете внутреннего экономического развития и внутренних политических конфликтов. Конечно, всегда есть влияние внутренних факторов (ими мы, действительно, пренебрегли), однако приватизация в Мексике при Салинасе (открывшая путь к чрезмерному накоплению богатств для немногих, таких как Карлос Слим) произошла при не малом содействии Казны США, МВФ и Мирового банка. Последующий захват банковской сферы Мексики иностранцами накануне кризиса песо в 1995 г. также не был простой оплошностью. Бреннер прав, настаивая, что в азиатском кризисе 1997–1998 гг. был повинен внутренний фактор, однако совершенно неверно утверждать, будто бы портфельный капитал, а также операции хеджевых фондов, международных банков и МВФ здесь ни при чем, а значительные прибыли на Уолл-стрит — простая случайность.

Отчасти трудность здесь связана с тем, что Маркс считал финансы, кредит и долг ключевыми элементами сценария примитивного накопления. Меня поражает преобладание, а во многих отношениях углубление и рас-

ширение этих механизмов при сегодняшнем добывании богатств. Вознаграждение ведущих менеджеров хеджевых фондов в прошлом году составило в среднем по 250 миллионов долларов на каждого. Как такое могло произойти, и какие это может иметь следствия? Я уже говорил о том, что политически идея накопления через лишение собственности может быть еще даже более удачной, чем аналитически. По этому поводу можно сказать еще массу всего. Комментарии Бреннера, а также всех остальных, содержат в себе очень важные уточнения, а также указания на то, в каком направлении следует двигаться дальше.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Harvey, David 2003, *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
2. Harvey, David 2005, *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
3. Harvey, David 2006, *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*, London: Verso.